

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

**«Маленький человек» конца XX века
в повести Александра Григоренко «Потерял слепой дуду»**

Аннотация: Статья обращена к сегодняшнему литературному материалу – повести А. Григоренко «Потерял слепой дуду» (2016), где вариация на тему современного «маленького человека» окрашена в сибирский колорит и оригинально соотносена с движением семейной и социальной истории второй половины прошлого века. «Текст» повседневности усилен в произведении мифопоэтическими ассоциациями и достигает уровня притчевого обобщения.

Ключевые слова: современная русская проза, социально-психологическая повесть, образ «маленького человека», семейная история

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

**The “Little Man” of the End of the 20th c.
in Aleksandr Grigorenko’s Long Story “The Blind Dudu Lost”**

Abstract: The article is addressed to the contemporary literary material – A. Grigorenko’s long story “The Blind Dudu Lost” (2016), where the variation on the theme of the modern “little man” is touched by the Siberian coloring and is originally inscribed in the context of family and social history of the second half of the last century. The “text” of everyday life is enriched in the work by mythopoetic associations and reaches the level of parable generalization.

Key words: modern Russian prose, socio-psychological novel, the image of a “little man”, family history

Проза сибирского писателя Александра Евгеньевича Григоренко (род. 1968) представляется достойным обсуждения явлением современной литературы. Его романы «Мэбэт» (2011), «Ильгет. Три имени судьбы» (2013) номинировались на премию «Большая книга» (2012, 2014), как автор повести «Потерял слепой дуду» (2016) он стал лауреатом «Ясной Поляны» (2016).

В насыщенной атмосфере сибирского края повести «Потерял слепой дуду»¹ плотная ткань реалистической образности, «умеренная гармония лексики, описаний, диалогов, порядка повествования»² обогащаются мифопоэтическими ассоциа-

¹ Григоренко А. Потерял слепой дуду // Октябрь. 2016. № 1 (magazines.gorky.media/october/2016/1/poteryal-slepoj-dudu.html). Текст повести приводится по данному источнику.

² Трушина О. Хочется, чтобы это стало классикой: «Потерял слепой дуду»: kasdom.ru/r_kultura/r_kontekst/11296/ (дата обращения: 05.04.2023).

циями, а драматичная семейная история в трех поколениях протекает в условиях стремительно меняющегося времени, когда внезапно персонажам открылось, что «родной страны больше не существует, а реальность вокруг перевернулась с ног на голову»¹.

Центральный персонаж – слабослышащий от рождения Шурик – выведен как неповторимая индивидуальность и при этом эмблематичная для русской литературы фигура «маленького человека», стихийный выразитель социально-психологического климата современности, того общего состояния, когда «копившееся годами внутреннее одиночество в какой-то момент стало внешним, и Шурик оказался истинным его воплощением»².

В экспозиционной части произведения картина мира увидена в мифопоэтическом ракурсе. Февральский «белый змей» творит самобытные мысленные и речевые образы, выступает проводником сверхличной, но и одушевленной, неравнодушной к человеку, заряженной нравственным чувством энергии, поскольку, «пребывая на земле бесконечное множество лет, он знал такое, чего не знали люди, – что каждый из ветров, такой же, как они, обитатель местности, носит в себе их исчезающую жизнь». В сострадательном восприятии змея запечатлелось первое появление на безлюдной заснеженной трассе главного героя – Александра Александровича, Шурика, парня в трехцветной куртке, беспомощной, окровавленной, сброшенной в кювет и обреченной на замерзание жертвы злой воли своих преследователей.

Начальные картины бросают трагический отсвет на развернутые в основной части повествования истории Шурика и его близких. Отец героя Шурка Шпигулин – легкомысленный и несуразный, в отличие от своего серьезного, служившего на флоте младшего брата Константина, поспешно женился по возвращении из армии в начале зимы 1967 г. Появление сына Шурика в апреле 1968 г. подтачивает непрочный семейный союз: мальчик имел «совсем нездешний вид», выглядел, по метафорическому выражению деда, «как в церкви, на иконе», уродился глухонемым, отстающим в развитии, «слегка задетым параличом». Бегство матери, длительные загулы захолежавшего отца, который «принялся... рассеивать сердечные смуты по соседним деревням», омрачают картину мира ребенка факторами «наследственности вкупе с нелюбовью»³, вводят его в ранний опыт переживания одиночества, которое скрашивалось, однако, любовным участием бабушки Валентины и ее родни: «С рук Шурик не сходил и по грешной земле ступал лишь в особых случаях. Болезнь его как-то не замечалась, хотя о ней все знали, но будто не хотели замечать. Сами того не понимая, люди видели в нем не будущего работника, а украшение жизни – как заветная брошь, будет оно храниться в сундуке, переходить от человека к человеку и никогда не изменится».

Ребенок, как позднее выяснилось, все же «слышал немного» и формировался «на границе мира немых и мира говорящих», под смешанным влиянием дома и интерната. Он напряженно вникал в бабушкину песенку «Потерял слепой дуду...», где крылось пророчество о его судьбе, обнаруживал выборочный творческий отклик на действительность; мир его детских чувств напоминал «разноцветные лампы простенькой елочной гирлянды». Однажды, в процессе сокрытого от окружающих усвоения этого «стишка», Шурик «глянул на бабу с непонятным

¹ Трушина О. Хочется, чтобы это стало классикой: «Потерял слепой дуду».

² Там же.

³ Ратников С. «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко: stepanratnikov.ru/blog/literature/poteryal-slepoj-dudu/ (дата обращения: 05.04.2023).

ей вызовом, скатился по ее коленям, отошел в угол и, покраснев от натуги, начал с силой топтать ногой и громко выкрикивать в такт: “Ду-ду-ду! Дуду! Потедял! Дедой! Дуду! Дудуду!”»

Скрупулезное воспроизведение поведенческих проявлений, дефектов речи особенного подростка сочетается у Григоренко с художественным проникновением в потаенную область его душевной жизни, где случайные впечатления рождали смутные прозрения о неумолимых велениях бытия. Знаковыми вехами на этом пути оказались для Шурика и увлечение «коварной» и «вероломной» городской девочкой Светкой, и припоминание своего крещения, при совершении которого он ощутил «идущее изнутри нежное тепло», когда «вели его от купели к родне». Жестокая шутка односельчанина, который из хулиганства чуть не утопил его, десятилетнего, заставила героя «увидеть ужас» в поглотившей его на мгновение глубине пруда. Однако вопреки и собственной ущербности, и периодически случавшимся на его глазах деревенским трагедиям в нем складывалась «бессловесная уверенность» в торжестве «прекрасной» жизни, преодолевающей ужас. Не до конца вербализованные чаяния Шурика подхватываются сдержанным, но исполненным драматизма авторским словом: «Он и не должен был пропасть, раз уж так вышло, что весь мир за него».

Звенья биографии «маленького человека», связанные с окончанием интерната, освоением столярного ремесла, работой в мастерской, где инвалиды изготавливали «посылочные ящики и табуретки», получением места в общежитии и неприкаянными передвижениями между городом и родной деревней, – прочерчены на объемном эпическом фоне. Трудное вхождение героя в относительно самостоятельное существование совпадает с резким поворотом социальной истории, что искусно детализируется автором в мозаике частных событий, выдающих тектонические разломы народной жизни: «Вскоре в жизни что-то щелкнуло, исчезла привычная страна, немного погода – колхоз «Победа». В обоих деревенских магазинах... вдруг стало совсем пусто. Но вскоре появились какие-то смуглые небритые мужики, каковых сразу зачислили в цыгане, а с ними – непонятные цветастые бутылки, шоколадки, курево с нерусскими надписями на коробках... Потом исчезли привычные, надежные деньги, а новые были легки и неуловимы, как мошकारа... Перемена была еще и в том, что как-то странно стали умирать люди... казалось многим, что смерть утратила причину. Уехал парень в город – и нет его, пропал с концами. Другой сам себе сделал укол какого-то подогретого бензина и околел вмиг. В августе на полевом стане пятеро механизаторов выпили в обед по стаканчику из цветастой иностранной бутылки – так всех пятерых разом и вынесли на кладбище».

В художественном строе повести болезненно-рубленая, часто требующая терпеливого «перевода» речь Шурика служит экспрессивным ритмическим сопровождением как его личной, так и семейной драмы. Под чей-то жалостливый «всхлип» он женится на Ирочке, которая тоже была из интернатовских и «не слышала почти ничего». Зато теща прагматично разгадала «нехитрую механику его души», составила ему протекцию при устройстве на автозавод, однако после рождения ребенка «его уже совсем исключили из общего дела», а Ирочкина мать «несокрушимой своей правотой» усмотрела дальнейшее счастье дочери только «в младенчике» и «просто искренне возненавидела зятя»: «Еще через год Шурик от жены ушел... Стихия изгнала Шурика – он испугался, мигом протрезвел и утром уехал на работу с чемоданом своих вещей».

Проступившая на пороге 30-летия склонность героя к пьянству обостряется его невысказанной горечью от фальши семейных и социальных отношений. В деформированном, но и безжалостно правдивом зеркале несобственно-прямой речи персонажа мелькают и его «забытый отец», который вдруг «решил принять участие в судьбе сына», и безжалостно-расчетливый дядя, «привыкший определять каждому часу свое место», раз за разом изгоняющий Шурика к бабушке и охотно повторяющий чужую клевету на него. Под надуманным предлогом уволенному с автозавода, ущемленному в законном отцовском праве герою, которому «дочку... не давали», оставалось вести горький подсчет своих «изгнаний», «закипевшая было обида осела, стала равнодушием... он бессловесно чувствовал в этом игру какой-то внешней, непонятной ему силы».

С надрывом выражая свое отринутое миром «я», Шурик на пределе душевного волнения мог порой «заорать, не дожидаясь приглашения», строки из бабушкиной песни «Потедел депой дуду», а сама бабушка видится ему путеводной звездой, воплощением исцеляющей от страданий женственности. В сюжетном рисунке повести уход бабушки знаменует трагическую кульминацию родовой истории, влечет за собой целую «череду смертей», «будто к Валентине были привязаны жизни других людей», усугубляет атомизацию семьи и дает толчок длительной тяжбе братьев из-за наследства.

В неизбежном «внуке» Шурике воспоминания о бабушке пробуждают восходящий к детству дар тайновидения, устремленность к инобытию, что приближало его к «почти равнодушному согласию» с земными бедами. *«Маленький» перед внешними испытаниями человек наделяется у Григоренко глубоким мистическим чувством, чье действие художественно постигается в духе «фантастического» реализма.* Когда бабушка заведовала библиотекой, Шурик имел незначительный опыт чтения, но со временем почувствовал, что силой воображения «знал несуществующие книги», «мог читать во сне». После нападения злоумышленников он в полубеспмятстве валялся в снегу и спасался лишь тем, что каким-то уцелевшим краем сознания «читал» послание от бабушки, которое вводило его в бессмертную жизнь, одухотворенную единением человеческих душ. Это письмо он «подобрал где-то в воздухе, в котором растворены мысли и слова людей – живущих и умерших, – слова и мысли, никогда не покидающие землю». Сокровенным зрением герой всматривался в «покосившийся забор старческих букв», а «дух его, временно отпущенный на волю», возвестил ему трагическую перспективу непродолжительного земного пути, поэтому теперь «не было уже того прежнего Шурика, уверенного с самого рождения, что весь мир за него».

В повествовании о Шурике нарастает звучание лейтмотива ускользающей реальности, *разрушение социальных связей оборачивается для него метафизическим правдоискательством и блужданиями между мирами.* Ему все чаще «казалось... что люди перестали узнавать его», что жизнь сродни «бесконечному течению, которое никаких мыслей не требовало». Утрата паспорта из-за козней интернатовских «ребят» означала потерю им и без того шаткого социального статуса, скитания по улице «обледеневшим мартовским утром» как будто растягивали время и превращали его в «бездомный день», вызывали чувство, что «впереди простирался огромный непонятный день», что «маленький город стал еще меньше», а в отношениях с избегающими его родственниками «теперь встала перед ним стена». Отчуждаясь от современности, Шурик мысленно возвращается к «письму» бабы Вали, слышит, как в деревне по старинке «окала бабушкиным

голосом песенка», таинственным образом «три года без бабушки он разговаривал с ней, не замечал ее отсутствия, он сам был жив и уже потому в глубине себя не верил в бабушкину смерть», представлял ее молодой, неустанно переосмыслял свои прошлые отношения с ней. Внутренний голос этого «отчасти юродивого», «ушедшего в себя человека»¹ льется как будто помимо его воли, его мелодия свободна от «глухонемых» акустических изъянов, от бремени «овечьей покорности» и переносит героя через порог инобытия, направляет к критическому самоисследованию на перепутье между «двумя правдами»: «Ему скажут: мы помогли тебе всегда, а что ты? Тебя отовсюду прогнали – из семьи, с работы. Ты пьешь, опустился до бродяги. Ну и что, что ты глухонемой, посмотри, как живут такие, как ты. Они сами карабкаются, к тому же государство им помогает. Ты карабкаешься? Нет. Ты обращался к государству? Опять же нет. Почему ты не можешь так же, как другие? У тебя проблемы, а у нас? Наши беды ты знаешь? Ты – ленивый, пьяный, грязный – хоть раз спросил нас, как мы бьемся? И за что мы бьемся? За жизнь, Шурик. За нормальную и как таковую. А тебе тридцать шесть лет. Ведь если бы ты пришел сразу и трезвый, тогда, наверное... Он перебирал в уме эти слова, простые, как гвозди, и понимал, что они тоже – правда, такая же, как и его собственная. Можно, конечно, спросить: отчего же вы с бабушкой так хорошо, а со мной – нет... Так он и жил, между двумя этими правдами, не зная, какая из них сильнее».

Едва уловимыми, но и психологически достоверными «эманациями» бабушки Валентины овеяны в повести природы Дины и Анны.

Вместе с интернатовской воспитанницей Диной, которая лелеяла к Шурику едва ли не материнские чувства и ласково внушала ему: «Никому тебя не отдам, мой мишка плюшевый», – он «в новом обличье – в шортах, гольфах, яркой майке» успел предстать перед живой еще бабушкой, когда «вела его под руку красивая молодая женщина». Милость судьбы угадывалась в том, что это было «единственное имя, которое он выговаривал, не искажая ни звука». Вдохновение Шурика от нежной привязанности к Дине как будто вытекало из прошлого общения с бабушкой, которая «умерла, а жизнь у Шурика только начала разворачиваться». Не имевший прежде своего угла, он вместе с новой возлюбленной снял комнату, «слегка приподнялся над землей, впервые ощутив себя хозяином». Беременность Дины сулила ему восполнение упущенного в прошлом браке отцовства, однако хрупкие чувства героини заглушаются былыми травмами, повседневной неустроенностью, переживанием крушения возлагавшихся на так и не повзрослевшего Шурика надежд. Невольно поддаваясь синдрому «маленького человека», Дина «обижалась на саму жизнь, она казалась ей приближающимся страшным катком, который раздавит ее именно в тот день, когда надо будет рожать, она стала замкнутой, руки ее молчали целыми днями, и эти руки доводили Шурика до слез... этот большой мальчик, похожий на глазастого медведя ее детства, мальчик, которого она сама выбрала и приручила, вовсе не способен превратиться в мужчину, он вечный внук... Она плакала оттого, что так неожиданно рухнула эта любовь, которую теперь оставалось только вспоминать».

Если в болезненном мироощущении Дины преломилось характерное и для Шурика навязчивое видение себя в роли извечной жертвы враждебных обстоятельств, то его дальняя родственница Анна из Нижнеудинска близка ему своим правдоискательством, получившим, в сравнении со стихийными порывами Шу-

¹ Трунин К. «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко (2016): trounin.ru/grigorenko16/ (дата обращения: 05.04.2023).

рика, более заостренное протестное выражение. Жена инженера полка, который был, впрочем, «не по-военному мягким человеком», она дерзнула на банкете по случаю 7 ноября перед всем гарнизоном обличить в крепостнических «повадках» могущественного «начальника тыла подполковника Мана, подтянутого, звенящего хама». Долго живя вдали от Шпигулиных, Анна помнила о Шурике, «судьба этого мальчика, памятного тем, что как-то не по-детски степенно радовался он, когда она дарила ему заграничные игрушки, запала ей в душу и отвлекала от спокойной жизни». Она укоряет родню Шурика за то, что тот «по подъездам... ночует», проникается «азартом большого дела» и самоотверженно заботится о его тошнотворно пахнущих немывом теле и обмороженных ногах, «бинтует эти страшные тумбы», сочувственно наблюдает, как он у нее «ел – жадно, громко, незнакомо, как дикий». Она предпринимает волевое усилие по радикальному переустройству его судьбы; как бабушка, когда-то учившая Шурика говорить, Анна «кричала на него, доставая по слогам всю его историю», своими хлопотами вернула ему возможность быть полноправным «человеком с документами» и словно для какой-то иной жизни обработала его свадебную фотографию, откуда безжалостно «отсекла невесту». По горькой иронии судьбы очень скоро на могильном кресте окажется «тот самый свадебный снимок Шурика, который Анна разрезала большими ножницами, – в уголке виднелось белое плечико невесты»...

Бесприютная смерть не сразу опознанного А.А. Шпигулина на улице от переохладения, угроза того, что он при живых близких «будет похоронен как безродный», нескладное поминание покойного его разобщенной родней, то ли покаянные, то ли равнодушные воспоминания дяди о «мальчике с лицом неваляшки», что «лежит под землей, рядом с их матерью», – довершают трагическую картину ослабления семейных связей, утери нравственных ориентиров в общественной жизни на рубеже исторических эпох. В финале произведения гнетущая атмосфера отчасти просветляется сочувственным, брошенным с недоступной людям высоты взглядом «белого февральского змея» на посмертную маску Шурика, которая «сохранила не многие детские черты», интуицией этого доброго духа о посмертном пути истрадавшегося на земле «маленького человека»: «И змей сказал про себя: “Вот, Александр Александрович, и приложился ты к праотцам своим, и, может, с праотцами тебе лучше будет, потому как старики и дети всегда рядом, они похожи, и любовь меж ними бестревожная, неспешная, не как у расцветших, занятых людей”».

Итак, повесть А. Григоренко содержит потенциал семейного романа, развивающегося на фоне перипетий середины и второй половины прошлого века вокруг короткой жизни чудаковатого, физически неполноценного, но душевно незамутненного и наделенного мистическим чувством «маленького человека». Произведение примечательно сопряжением социально-бытовых реалий и прорывов к инобытию, местным речевым колоритом, эскизными, но выписанными емкими психологическими штрихами характерами, пронзительным изображением женских индивидуальностей. Хроникально организованный сюжет о современном «маленьком человеке» увенчивается неожиданным путешествием во времени: притчевой историей о «той самой дуде, помогающей людям не растерять друг друга»¹, о странствовавшем «в сенокос 1860 года» «слепом» старике, чья вдохновенная игра на «знатной дуде» сплавивала его незрячих спутников, ведь «вроде нестояща вещь была, а всех вместе держала».

¹ Сергеева Н. Александр Григоренко «Потерял слепой дуду»: zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2811 (дата обращения: 05.04.2023).

ЛИТЕРАТУРА

Григоренко А. Потерял слепой дуду // Октябрь. 2016. №1 (magazines.gorky.media/october/2016/1/poteryal-slepoj-dudu.html).

Ратников С. «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко: stepanratnikov.ru/blog/literature/poteryal-slepoj-dudu/ (дата обращения: 05.04.2023).

Сергеева Н. Александр Григоренко «Потерял слепой дуду»: zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2811 (дата обращения: 05.04.2023).

Трунин К. «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко (2016): trounin.ru/grigorenko16/ (дата обращения: 05.04.2023).

Трушина О. Хочется, чтобы это стало классикой: «Потерял слепой дуду»: kasdom.ru/r_kultura/r_kontekst/11296/ (дата обращения: 05.04.2023).

REFERENCES

Grigorenko A. The Blind Dudu Lost. Oktyabr. 2016. No 1 (magazines.gorky.media/october/2016/1/poteryal-slepoj-dudu.html).

Ratnikov S. “The Blind Dudu Lost” by Alexander Grigorenko: stepanratnikov.ru/blog/literature/poteryal-slepoj-dudu / (date accessed: 05.04.2023).

Sergeeva N. Alexander Grigorenko “The Blind Dudu Lost”: zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2811 (date accessed: 05.04.2023).

Trunin K. “The Blind Dudu Lost” by Alexander Grigorenko (2016): trounin.ru/grigorenko16 / (date accessed: 05.04.2023).

Trushina O. I want it to become a classic: “The Blind Dudu Lost”: kasdom.ru/r_kultura/r_kontekst/11296 / (date accessed: 5.04.2023).

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilia B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
il-boris@yandex.ru